

зывает, жалуется, что больно, а повторяет "слава Богу". Он ведь еще ничего не понимает. Он совсем маленький..."

Если хотите, продолжайте и после этого называть Тэффи юмористкой...

Несколько лет назад Тэффи прожила с нами все лето. Живем мы на опушке леса, где много берез, где молодые березки, белея тонкими стволиками, обступили лесной пруд с пышно разросшимися кувшинками. Перед вечером красное зарево заката пламенеет на черной воде. Северный русский пейзаж.

Часто перед вечером Надежда Александровна, приодевшись, напудрившись, заявляла: "Иду на свидание с Россией..."

Ходить на это свидание ей было трудно — всего двести метров, но пришлось много раз останавливаться: жестокие сердечные спазмы одолевали.

До последних своих дней Тэффи с неслыханным — беру полную ответственность за это слово — мужеством боролась с болезнью. Всем интересовалась, работала, писала.

Очень уж тяжело ей было в последнее время. За неделю до смерти, в день своих именин, стараясь улыбаться всем пришедшим ее поздравить, все же горько пожаловалась моей жене (которую очень любила и часто говорила с ней "по душам"):

— Да, что вы, Надежда Александровна, вы еще много лет проживете.

— Типун вам на язык, Машенька, не говорите мне таких ужасов.

Одно для нас утешение: не боялась Надежда Александровна смерти.

"Смерть — это вечное пугало, является желанной и благодной"...

"И тогда поняла она, что вот такая и есть смерть, это то крошечное, неделимое, как точка, как мгновение, когда останавливается сердце и прекращается дыхание и чей-то голос говорит: вот он умер. Это и есть вечность. А все надуманное загробное бытие, с терзанием совести, раскаяниями и прочими муками — все это получаем мы при жизни. В вечности этой мелкой дребедени делать нечего..."

Как т-и-х-о..."

Публикация Виталия АМУРСКОГО

Коловращение

В чащогах-лесотах обгорных, куда финтюги-человеки безлетьями не взбирались, жил Круня Протопович со женой Шаней Юльвинишной. Медведи вместо собак подворье четы дозорили, косули бурьяшечник в огороде выкусывали, а зайцы приходили в перинах супружских ойкаться.

В близине избы речулька журкала, а подале — озеро Лад. Травы в том месте такие пахли веяли, что зайдет из-за далья зверун кое-гда непривыкший и, вздыхнувши, наземь крющнется.

Нельзя сказать, что там волки кролей не кушали или лисы мышей не щёлкали, но все при взаимном согласьи деялось, по всевышнему законодательству.

Выбрел как-то спросонку Круня на озеро Лад, обмакнул пятки в студенышку и от утренней зги поежился. Освежил мурло и давай на весь облесок песнопень горлопашить.

Небо вдруг над ним взъерепенилось — то железная птаховица огнеточила. Крылетальники по разлеску бросила, хорошо лешии пожарище во время затушили.

Брюхом же птица жар в толщу воды фиаскнулась, аж русалок на берег выбило.

И послышался Круне рявк человеческий. Укропился Протопович в озеро Лад, и из самого дна мужлан-катастрофича вынес. Человек то был бессознанный, но дышала в нем жизнь некрепкая. На руках спасальник его в избу к себе вытащил к чрезвычайному обдивлению суженой.

Положили его в горнице и прикутали одеялами. Долго хворый валял-вирулентился, но откачала его Юльвинична знахорь-ягодой волчьей тыковкой.

Как остужился басурманович — поднесли к нему рыбий суп. А он по своему себе лякает — "Сенкс да сенкс". Зато и прозвали его Сенькой.

Швякнуло Круне лесовика Юху на ковриги медовые вызвать. Юха ведь волховник, человечесью мыслю чаёт, небось лепетунь басурманыча на язык лесной перекласть сможет.

К ветходубу прибёг Крунюшка, пока сумеречь не настигла — и давай округ дупла топать.

Долго ли, коротко — из дупла Юхина рыль выпхнулась: "Чё те, гангрена неумная, от меня трбно? — разлозился Юха, — Я вжо храпеть выстлался, а ты все округ ёжкаешь".

— Гадал, уважаемый Юха, к вечере вас припаржить. Шаня коврижек

с цикорием накухарила, а в печи ягодный морс спеет — нас хлебосольничать дожидается.

Лесовик языком щелкнул, да так и быть, из дупла вылез. Уховки у него волосастые, борода мохободная, вся башка муравой обтыкана, а в бровях цветуну пижонятся.

— Коль хлебов в узелок завяжешь — пойду, а склевещешь — обимжусь навечно, — запендюкался волохатый.

— Гаразд! — сподхалимничал Круня. — И хлебов наложим, и цикорию растворимого всыпем, даже ленту широкую в пояс с висюльками презентуем.

Угараздился Юха, подхватил Протопыча в локоть и чаевничать поспешился.

Встретила их Юльвинична и давай гостя обхаживать. Наелся Юха. Пузо покруглевшее гладит, припевы лесовичьи насвистывает.

— Болтают, ты Юха любую молвь расплести можешь, оскольку думки людческие за версту чуешь, — зачал разговор Круня.

— Ан что тебе, Протопович, трбно! — оживился Юха, — Видать басурмань за печой сплящую разгипнозить выдумал! Ну и лад. Накормила меня хозяйюшка, набавила. Скажу, о чем вашему Сеньке мерещится. Сам он развендчик из дальней страны, из Вашингтон-града, что за многожды земель от нас стелется. Имя ему Джон. А в нашем крае по случайке обкатас-трофился. Птаховица его метальная, по-ихнему — самолет, в наше озеро поломаншись рухнула.

Да не так все, как на первый погляд видится. Духи лесные вызнали, что обязанность на тебя в Сварге божьей возложена. Поди, Крунюшка на Святу Гору, помолись Сварогу, Яриле, Велесу и всей компании богорожденной — там и вызнаешь, что за честь на тебя поставлена.

Сказал то Юха, ленту даренную с висюльками в пояс пришил, куль с гостинцами на горб вскинул и уперся себе восвосяи лешевицкие сны смотреть.

Утром Круня на Святу Гору влез и давай всей добролюбой Сварге молиться. Вышел к нему Велес в медвежьем образе и сказал: "Как оздоровет небом скинутый Джон, отведи его за многожды верст, через три леса и три реки по тропе, человечьей ступней не хоженной. Там на синей горе живет старый волхач Арун Синегорович. Отдай ему басурманьча на ученье". Отстихотворил то могучий Велес и как облако в воздухе истаился.

Пообвыкся в лесотах Сенька-Джон. Ужо по чаще гуляет и населенью чудному дивится.

Стал Протопович в дорогу собираться. Юльвинична пирогов напекает, кисель варит, а Круня портянки сушит да сапоги Сенькины набойками укрепляет. Пришла пора в путь выйти.

Идут Круня Протопович с Сенькой-Джоном, а на встречу им зверьневиданка Туша-Капуша. Роги у ней завихрастые, вымя зеленое, а носопырка квадратная и брюхо позади лап волочится.

Сенька тотчас дубьё с Мать Сырой Земли поднял, а животина, на то гляднув, оскалилась.

— Брось дубьё — фыкнул Сеньке Протопович. — Со зверьем нужно лаской правиться. Глянь, оно за три раза тебя ширше, в десятеро сильнее, к баталиям-перегрызкам лучше тебя природицей приспособлено.

Сенька-Джон бицепс расслабил, ан дубьё на всякий момент не бросил. А Круня в котомке порылся и бутыль с ореховым медом выудил.

— На тебе, зверум, гостинца от жены моей Шани Юльвинишны. Покошуй и нас матюками не поминай — приластился Протопович.

Облюнилась Туша-Капуша, язычарой малиновой по губам хлопает и урчит удовольствием. Круня бутыль к ней поближе сдвинул, а та — хватить его лапой, и вприскачку в чащобу ушаркалась.

Идут они дальше равнинами хвойными да холмами пузырями. Вот ужо к речке Рарус приблизились. Там русалы джазы хороводили. Берегынны на дудочках камышовых свирелят. Девы сиськорыбые горлянкой импровизируют, а сверчкуны, кузнечики, да мошкара всякая высвистами помогают.

Увидел Сенька девок травоволосых, портки скинул и — бзыньк в воду.

Протопович еле успел заметить, а тот уже по самый торс в тине мылится и по-своему прелестниц водяных зазывает.

Глядит Круня, а Русалы музыки бросили и хохотыкая к Сеньке валяются. Протопович в крик: "Давай возврат, дурёх басурманичный! Барышни те рыбохвостые, то не девки, а ведьмы злючие. Спасайся, пока не всыпали!".

Не слушал его Сенька-Джон. Схомутали его русалки и на самое дно утюкали. А Протопычу делать нечего — он и следом за ними плюхнулся. В Подводье торпедно врыскался и — хватить басурмана за ногу, насилу вынес.

Отдышались они, обветрились и в дорогу себе пустились.

Брели по холмам пухатым, по лесам темрятым, и так до Синей горы приблизились.

Встретили их хозяева горные — гномы великоносые — и давай всей оравой выпрашивать:

— Кто такие, ходилки незваные, и к чему в Синегорье приуськались?

— Мы посламцы Велеса Мудроведего, идем к Аруне Синегорычу, чтобы Сеньку из Вашингтон-града премудрам волховническим выучить, — слушно обтараторил Круня.

— Пущай,— согласились гномы,— но гора наша высокая, смертному проходимцу не вскарабкаться. А мы, гномы синегорые, забесплатно аренду лестницы не задарим.

— И чего, братья, вам за то потребно?

— А вот чего, — сказали гномы, — округ ландшафта нашего два лысых холма громостятся. Посерёд красотов натурочных те плешевины несуразятся. Изваяйте на тех нелепищах малогорки синявые, чтоб они как дитяшки большой горы мнились.

— Гаразд! — согласился Круня, — подавайте песку да кувалды.

Круня выбрал себе плешивину ближе к лесу. А Сенька стал ту, что к горе недалек ковыривать.

К вечеру плешивин как совсем не было.

Пришли гномы на работу смотреть, и с удивленья на зады хлопнулись. Крунина горка их натурностью поразила, будто ее сами гномы делали, и Перун молнией обточил. Будто с рождения мира эта синявка стояла, а уж потом великая сестра ее явилась.

А как хозяи работу Сеньки завидели — завихрилось в башке их гномической, аж пузы взболели от смехонины. Малогорка та была в форме куба слеплена, и пейзажу местному, как кобыле свинячий хвост.

— Некрасивую гору сделал, ученик аруновый, — сказали гномы. — В нашем деле красивь главное. Ну, на том за труды спасибо, что своим ремеслом извесёлил. За тобой, ученик Синегорыча, будет должок у нас.

И свистнули гномычи братьям, что на верхотурах горы сидели, чтобы те лестницу для гостимцев бросили.

Влезли Крунюшка с Сенькой на высину, а там замок стоит белокаменный красоты неописанной. Навстречу им волхач Аруня Синегорович вышел, и пробаюкал Круня, до пояса поклонившись:

— Давно не видел тебя, Протопович, как жизнь проживаешь, как жена миловидушка, что в вашем лесу обо всем слыхивать?

— Живем хорошо, в лесе как завсегда ладно, а Юльвинишна моя сурпризу тебе воздарить наказывала.

С теми словами порылся Протопыч в котомочке и оттуда пирог черносмородинный вытащил.

— Вот тебе дрожжеватина, Шаней моей печеная, а это Сенька-Джон, ученишник твой нынешний.

— За хавь спасибо, — сказал Синегорович, — а про Сеньку вашего я от духов горных за много лет знаю. Дам тебе, Круня, за труд от меня подарочек — фонарь-керосинь нескончаемый. В пути да в хозяйстве переспособится. Теперь ступай к дому сваму, а энтого Джона я сам уж побеспокоюсь.

Чомкнул Круня сопутника во небритый щёк, да покарабкался восвояси. И остался Сенька в белокаменном замке жить. Как обвыкся в местности новоявленной, созвал его Синегорович в магический кабинет. И предстал перед ним Сенька выпамшишь.

— Чтоб ты по-руську гугукать науськался и науку мою внять через слова был способен, трбно тебя в прошлую жисть сознанием окупнуть. Ведь до смерти своей предыдущей ты у нас в Руссее родился.

Сказал то Аруня и видя, что Сенька его не дуже кумекает, решил сразу к делу гипнозному обспешиться. Посадил его на диванчик и вказал внимательно звуки слушать. А сам взял бубен шамановский и давай волшебную ритмь выстукивать. В кабинете заморская благовонь курилась, что монахи индейские Аруне по дружбе пересылали, по углам свечи ароматные пламенелись, а под звон бубенный Синегорович заклятую песнь горланил.

И увидел Сенька свою жисть прошлую, в которой был жрецом-чародеем славяноведическим. Менталитетом росейским так глубоко проникся, что руську мовь до конца самого понял. Разве язык его с детства к другой мове натренирован и хрящи давно говорильные затвердели. С того дня стал он блестяще по-руськи шпрехать, но с акцентом едва заметным.

В следующий урок Арун наказал Сеньке забыть все, что умрет, а что останется — из того праха выделить. Долго пыжился-думал Сенька-Джон, и через месяц назвал учителю свое заключение:

— Понял я, что в одной только природе могу быть уверен. В любом обстоятельстве ясно, что за вечером придет ночь, а за ней день. Что за осенью будет зима. А за весной — лето.

— Коловращение — то есть закон великий, — сказал, обрадовавшись, Синегорович. — И ты не задаром его приметил. А следует ему все живое: и медведь, и леший, и человек. Дни да времена года из-за кручения земли меняются. И кручением тем закон правит. Закон-царь, поставленный Вышним на космическое хозяйство. А мы, земное живьё, — существа глупые и разумные, должны то хозяйство оберегать.

Что рождается, то в свой срок и разрушится, один закон не изменится. Что стробоскопом тем жизненным управляет. Тем самым,

жисть — то лампочка, а закон — механизм, что эту лампочку моргать принуждает.

— А что ж, по-твоему, дискотека? — захихикал, расслышав промовь, Сенька.

— А дискотека — судьба, в которой по-разному каждый в одном ритме плясать должен, — без всякого смеху сказал Аруня. — Закон нужно прознать, потом на себе постигнуть, а дальше к нему приладиться, чтоб ничего в тебе супротив природы не возмущалось.

Завтра пойдешь к гномам на услужение. В том для тебя немалая польза будет, к тому же должок у них за тобой числится.

Вспомнил Сенька, как гномы над ним хикали и взбеспокоился:

— Не хочу я к тем насмешникам шаркаться, да и какая польза в том для ученья будет, ихни насыпи цементировать?

— Насыпи делать — то их задача, — заспокоил его Синегорович. — К такой работе ты не слишком уж приспособлен. Найдется у них под тебя дело. А сущности, они чистые. Не гляди, что иначе тебе в раз первой чудилось. Это ты из своей вредности гномов не скумекал, а как с любовью к ним относиться станешь, они такой же возврат и тебе оплатят. На то и есть эмоций коловращение. Каждая думь в обратку тебе денется — хорошая и плохая — все одно по башке хряпнет.

Утром гномы сами пришли за Сенькой и сразу задание перед ним поставили:

— За десяток километража есть деревни — Буряк и Калиновка. Меж ними река Маша проистекает. Сто лет те деревни меж собой бьются, и не может война искончиться, потому как соседи реку подразделяют. Каждый присвоить ее себе хочет. Оттого Маша вся от кровей красная. И вода у ней кровью пахнет.

— А от куда ж у них столько солдат взялось, раз целый век насмерть колошматятся? — взлобобытился Сенька.

— В том и дело, что их два осталось, а победить друг дружку не могут.

— А вам от того какое дело? Ваша работа — камни да горы строить.

— Один рукав Маши за Синей горой течет. Если военство поганое не окончится, то всем нам от той заразы капут будет. Злобья от них столько по воздуху сеется, что ужо звери лесные грызться друг с другом начали, — сказали гномы и поежились неприятно.

— И на что ваш ужастик личности моей сдался? — проехидничал Сенька-Джон, неприятность подозревая.

— Ты человек, — отозвались гномы, — и все человечье тебе понятно.

Загрубели души воимщиков, глаза пеленой задвинулись — духов лесных и нас, гномов, видеть уже не умеют. Сходи ты к ним и опробуй уразуметь непотребства свои бросить. Пусть цветут их деревни добром и красотами прежними.

— Да вы что? — всполошился Сенька, — Если то целый век гномятине не под силу, могу ли я — людина-обыкновенщик ту завихрень выпутать? Тем боле я раньше и сам развендчик был.

— Вот то и оно, — подскочили гномы, — ярость ихняя тебе распонятна и сердце что-нибудь да подшепчет.

Делать нечего, пошел Сенька-Джон в замок белокаменный, где у него резиденция спальная измещалась, и стал в дорогу збираться.

Арун вещами его полезными обзаботил: "Вот тебе, Сенька, куль с грибами сушеными. Как встребнется помощь бескомпромиссная — съешь, — и прибудет к тебе дух удружливый. Вот словарь волшебный энциклопедный: каждый вопрос в нем ответами отражается. А вот и слово мое путеводное: иди и во всем по велению сердца действуй."

И отправился Сенька-Джон по лесным пешкострадам топать. Идет-бредет, а навстречу ему избушка на птичьих лапах шествует. Встал Сенька, будто в Мать Сыру Землю вкопанный, и она рядом остановилась. Присел на муравку, открыл словарь ветхомудрый да на букву "и" сообщень выучил: "Избушка на курьих ногах — то жилище Ягини. Она же Буря-Яга, Ясуня Святогоровна, Ася Звездинка, Золотая Матерь Дива Дыевна, Домна и богиня Сида — в разных перерождениях. Некогда в пышной младости была она девай красавицей — царевной-лебедь Азовушкой. Имелся у ней супруг возлюбленный — бог великомудрый Велес. А как отправили черные боги Вий да Дый мужона в царство посмертное — скурвилась с горя, и прозвали ее Бурей-Ягою Золотой Ногою за вредность, в страданиях приобретенную".

Зажалел Сенька Ягиню и решил хорош для нее сделать. Вскопился в избу, а там грязынь-паутинь воняется. Обмел полы, пыль вытер, затопил печь и обед сделал из запасов, в той избе найденных. Картошки фри сжарил, чисбургеры творожные сляпал, а в конец пепси-колы накипяточил. Тут стемнело синее небо и дубравы переклонились. В огненной ступе Яга влетела и, принюхавшись, завопила:

— Кто здесь духом человеческим воздух испортил?

— Прошу к столу, бабушка, меню макдональдсовое отвеждать — завежливелся Сенька.

— Ишь ты, обдивилась Ягиня. Кто ты таков будешь, и зачем пыль вековую за порог выбросил?

— Я Сенька-Джон из Вашингтон-града, ученик Аруна Синегорыча. Иду речку Машу спасать, гномами посланный. А тебе схотелось приятность доставить, небось устала с дороги, Ягушка?

— Да ну тебя! Коль невкусным обед покажется, я тебя вместо него съем, а пондравится, опосля и поговорим.

Испугался Джон, а вдруг Ягиня картошку фри не любит? Но упомянул наставы Синегорыча, что во вращении обратно бахнется, и стал хорошие мысли думать. Нажевалась Яга стряпни Сенькиной, запила пепси-колой, отрыгнула кислотным привкусом и сказала: "Не буду тебя сегодня есть. Разжижил ты сердце старушечье, помогу тебе, так и быть. Речку Машу твою любовь выпасет. Любовь, она всякой бурдни превыше. За двенадцать отсель верст особняк средь поляны высится. В нем бывут две сиротки-красавицы и тоскуют по душам сродственным. Пошкреби ты к ним, да скажи, как есть. Эти воины неумные женихами для них по звездам передназначены. Как завидятся, сразу же и вмадутся с первовзглядья. Тут и придет конец вражде смертоопасной".

Услышал то Сенька-Джон и вон из избушки шмыгнул.

— А ну стой! — вскричала Ягиня. — Рецепт-то обеда оставь, я с роду такой экзотик не кушала.

Сказал Сенька рецепт, да только его и видели. Пришел к поляне, где стоял особняк девический, и аккуратно в ворота стукнул. Открыли ему близняшки с прическами кучерявыми, всякому человеку рады. Согрели гостя чайком брусничным, ан за ним идти не сподобились: "Не пойдем с тобой, странник Сенька-Джон, вдруг женихи нам твои не пондравятся, а то еще с горячки головы поотрубят. Ложись спать, назавтра куда тебе надо двинешь, а мы дома себе останемся". Лежит Сенька на кровати дубовой, на перине пуховой и думает, как незадачество разрешить. И тут про грибы волховницкие вспомнил. Прожевал горстку и стал невесть чего ждать. Заблестела тут комната светом неоновым, и пришел к нему Микки-Маус. Сенька аж передрог с непривычки. Ностальгия проклятая сердце его узанозила, ведь с дитинства мыша того в телевизоре видел и портреты его на шкафчик клеил.

"Домой вернуться — расплунутая проблема, — услышал его мышления Микки, — проси у Аруни учебу продолжить в Мексике.

А девкам твоим несговорчивым я во сне женихажичей покажу, они перед тебя в дорогу бежать станут". И стёрся из глаз Микки снотворное чудо делать.

Наутро сестрицы Сеньку в дорожных одеждах ждали. Нагрузили его

чемоданами с барахлятиной и, как сказал Микки, поперед него вырвались. Шли они лесами мохатыми, долами волохатыми, и явились на место бранное. Завидели драчуны-военники близняшек, звездами им назначенных, да и разомлели. Вамурились по самые пятки и враз про вражду многовременную забыли. Съединились души влюбленных на небесах, а на земле все одразу и переладилось. Речулька Маша сразу очистилась, аж по берегу ландыш заколосился. А младожены стали себе жить-поживать, детей делать, да в гости друг к другу хаживать.

Расцвели, раскраснелись Буряк и Калиновка, еще закрасе, чем в старине, сделались. А Сенька-Джон к синегорью себе вернулся. Встретили гномы его с ликованием и давай, хохотыкая, балагурить:

— Благо тебе и слава, Сенька-Джон, ученик аруновый. Справился ты с заданием, победил ненавищество человецье междуполой любовью.

— А где награда, которой вы опосля победы грозилесь? — взвехидствовал Сенька.

— А наградой тебе опыт в борьбе той достигнутый будет. Не пропадешь ты с таким богатством. Кто злопли добром одолеть скумекал, навсегда природный закон прочувствовал. А раз жить по закону тому станет, не страшны ему никакие штуки.

До верхотуры гномы его забесплатно подняли. Встретил Сеньку Арун Синегорович и созвал в магический кабинет.

— Хороший ты аттестат в моем колендже за первый семестр сделал, а станешь ли во второй ходить — за тобой выбор. У каждой твари своёйное признание, и мешать тому — грех тяжкий. Настало тебе сердце выслушать, и по той трассе отправиться, что оно тебе скажет.

— Я домой хочу — взвякнул Сенька-Джон, благодарствую за науку и за питание, но скучается по Америке. В Мексике индейцы, такие, как ты, есть, Дон-Хуанами их у нас кличут. Я учебу от них продолжу.

— Ну и лад, — присогласился Синегорович. — Я про тебя по астральной почте в Мексику отпишу. Закон Прави для всякой страны единый.

Приехал домой Сенька. Родичи его, как с того света встретили, ведь в газетах его без вести погибшим знали. В Пентагон он ходить не стал, хай себе умершим в списках числится. Ведь и вправду развендчик John Import помер, а вместо его явился в душе его Сенька-писатель и религиевед. В Мексике Джон ученье свое закончил, а как на каникулы домой ехал, с красулей Трэйси перезнакомился. То любовь была с первовзглядья. И стали они жизнь проживать и в Руссею по отпускам наведываться.